

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

Д.Я. Майдачевский

**ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ ПРИБАЙКАЛЯ
История исследований и идей**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2006

УДК 33 (57)(091)

ББК 65

М 14

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р экон. наук, проф. М.П. Рачков
д-р ист. наук, проф. Ю.В. Кузьмин

Майдачевский Д.Я.

М 14

Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. — 204 с.

ISBN 5-7253-1392-1

В монографии развитие историко-экономического знания рассматривается в фокусе конкретных примеров — исследовательских проектов, реализованных на материалах Прибайкалья начиная с зарождения этого научного направления в нашей стране во второй половине XIX века до 60-х годов минувшего столетия.

Адресована всем интересующимся прошлым историко-экономического знания и местных научных практик.

ББК 65

ISBN 5-7253-1392-1

© Майдачевский Д.Я., 2006

© Издательство БГУЭП, 2006

ВВЕДЕНИЕ

...в особенно печальном положении находится
история народного хозяйства Сибири,
разработка которой требует особенно
серьезной научной подготовки.

В.А. Ватин (Быстрянский), 1915

Замысел написать историю местных историко-экономических изучений возник у автора более десяти лет назад в самом начале его занятий проблемами экономической историографии. Более того, именно сюжет из истории местной науки, связанный с появлением на страницах провинциального сибирского издания статьи известного русского историка Н.А. Рожкова¹, привлек внимание к маргинальному, по сути, положению не только этого ученого, но и олицетворяемого им научного направления — экономической истории, в системе социально-гуманитарного знания как в до-, так и послереволюционный период.

До революции историография, отмечавшая значительный общественный интерес к экономическому направлению в истории, подчеркивала крайне сдержанное к нему отношение со стороны академического исторического сообщества. После революции, когда изучение экономической стороны истории, казалось бы, получило шанс стать неотъемлемой частью единого историографического процесса, научный, то есть марксистский, анализ экономического строя общества под углом зрения историзма с неизбежностью привел к социологической концепции — к теории классовой борьбы, и только таким «опосредованным» путем к «внедрению» экономики в историю.

Экономическая история стала не просто отождествляться, а подменяться рабочей историей, историей рабочего движения, а в итоге — историей идеологии этого движения, историей рабочей организации, партии, вследствие чего экономическое направле-

¹ См.: Майдачевский Д.Я. В годы сибирских скитаний. У истоков количественной экономической истории // Былое. История и опыт хозяйствования. М., 1995. № 11. С. 4.

ние в историографии оказалось на периферии советской исторической науки, а некоторыми историографами даже выводилось за ее пределы — в область «теоретико-экономическую» (М.В. Нечкина), передавалось в ведение политической экономии.

Последняя, обретшая к тому времени статус исторической дисциплины, отнюдь не стремилась предоставить экономической истории (истории хозяйственного быта, истории народного хозяйства, истории экономики) право на самоопределение. В условиях господства марксистской парадигмы историко-экономическому знанию в лучшем случае отводилась ниша вспомогательной дисциплины, которая была призвана либо собирать исторический материал для последующих политико-экономических (равно исторических) обобщений, либо, напротив, иллюстрировать действие общих закономерностей исторического процесса на конкретных примерах развития хозяйства отдельных стран.

Историко-экономическое знание существовало в достаточно жестких рамках, задававшихся отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством марксистской теории исторического развития, что не могло не нарушить логику процесса оформления экономической истории в самостоятельную научную дисциплину, не наложить отпечатка на историю этой области знания. Что не делает историю историко-экономического знания в нашей стране менее интересной, хотя, безусловно, серьезно затрудняет процесс ее познания, то есть изучение экономической историографии.

Именно эти трудности обусловили поиск приемлемого методологического инструментария для подобного изучения, поскольку историографический канон, конвенциональные формы представления прошлого, сложившиеся как в истории исторической, так и экономической науки, выстраивают сферу историко-экономического знания в соответствии с традиционной схемой истории идей. С последующим «встраиванием» того или иного историка или экономиста в сложившуюся историографическую норму, а на деле определением его принадлежности к какому-либо направлению или школе в рамках этой схемы. С полным, при этом, игнорированием если не логики развития дисциплины, то хотя бы логики развития проблемных (исследовательских) областей исто-

рико-экономического знания, и уж во всяком случае — движения эмпирических исследований, осуществляемых в их рамках.

Лишь постепенное проникновение и укрепление в гуманитарной среде антиобъективистских и релятивистских взглядов на историю науки в целом, ее исторической и экономической отраслей, а также благотворное влияние, оказанное науковедением, социологией знания и интеллектуальной историей, способствовали отказу от линейной и кумулятивной модели развития науки, переходу от рациональной к исторической реконструкции науки, утверждению микроаналитической стратегии в историографии, оформлению в самостоятельное исследовательское направление методологии ситуационного анализа.

Историографический микроанализ, на взгляд автора, содержит богатый эвристический потенциал, способный серьезно усилить научно-методологические основания исторического изучения, прежде всего, местных научных практик. Ситуативная историография, рассматривавшаяся долгое время едва ли не как «наивно-реалистическое» направление в истории науки, предстает на деле комплексным, максимально многосторонним изучением историко-научных феноменов. Как когнитивных, так и социальных признаков, характеризующих, например, ту или иную проблемную область историко-экономического знания или конкретный исследовательский проект, осуществленный в ее рамках, в том числе и на местном материале.

Ситуационные исследования, ставящие под сомнение эволюционный характер развития историко-экономического знания, позволяют взглянуть на развитие науки как на движение от одного события к другому. Между тем, присущий ситуативной историографии эффект «воронки», в которую втягиваются как прошлые, так и последующие события в истории науки, сделал возможным, например в данной работе, рассмотрев лишь четыре эпизода, охватить практически столетнюю историю местных историко-экономических изучений — едва ли не с зарождения этого научного направления в нашей стране во второй половине XIX века до 60-х годов минувшего столетия, когда наметился спад исследовательской активности в этой отрасли знания, не преодоленный, по существу, до сегодняшнего дня.

Монографический характер книги, поэтому, определяется не столько формой подачи материала, сколько содержательными установками автора, считающего исследование отдельных случаев в науке историографическим направлением, методология которого допускает фрагментарность изложения при сохранении сквозной нити исследования.

Пространственный масштаб историографии в случае использования методологии ситуационного исследования не следует смешивать с масштабом предмета познания. Здесь как никогда справедливо утверждение, что «место исследования не есть предмет исследования». «Территориальные рамки» (в нашем случае — Прибайкалье, Иркутская губерния, область) ограничивают лишь круг исследовательских проектов, представляющих интерес с точки зрения предмета познания, то есть «участвуют» лишь в выборе того или иного эпизода местной историко-экономической практики.

Осуществление исторической реконструкции науки на ограниченном (но не территориально!) поле наблюдения требует внимательного отношения к деталям, выявления мельчайших подробностей реализации исследовательских проектов. Это не дает возможности ограничиться только опубликованными научными результатами, а предполагает привлечение самых разнообразных источников историографической информации (как опубликованных, так и нет), проведение едва ли не «археологических» раскопок на этом поле. В этой связи автор считает своим долгом выразить признательность сотрудникам библиотеки ИОКМ, отдела книговедения и культурно-исторического наследия НБ ИГУ, отдела культурно-исторического наследия ИОГУНБ, а также местных (ГАИО, ГАНО) и центральных (АРАН, НИОР РГБ, ГАРФ, РГАЭ, ОПИ ГИМ, ЦГА СПб) архивов, оказавшим помощь в этом нелегком деле.